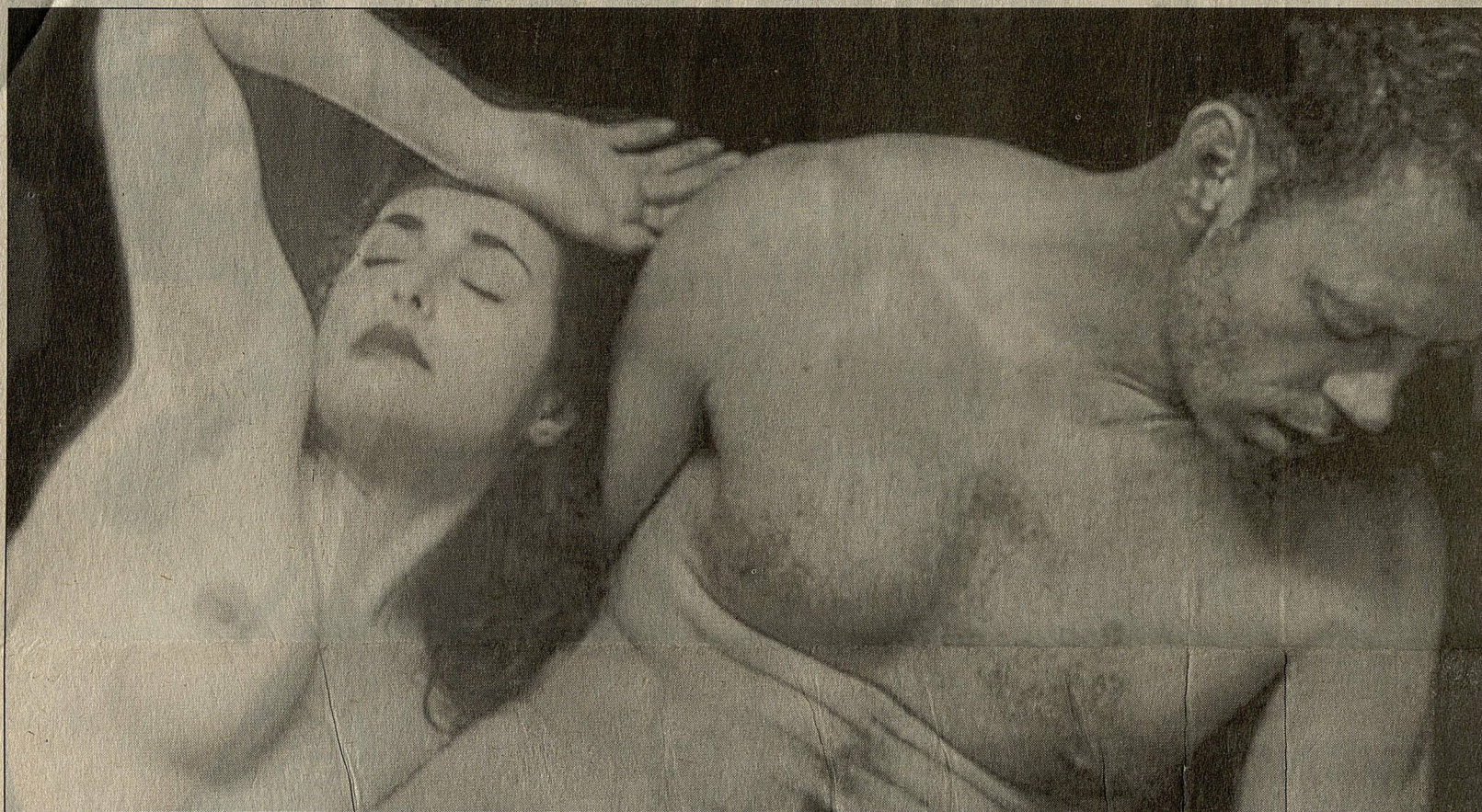

Культура

Пошлократия для избранных

Виктор МАТИЗЕН

Катрин Брейя иногда снимает более или менее нормальные фильмы («За мою сестру!» и «Узкий пролив») и даже получает за них премии второстепенных кинофестивалей, но в основном выступает как маргиналка, широко известная в узких кругах тем, что принципиально выставляет на свет юпитеров все сколько-нибудь интимное.

Собственно говоря, в этом выставлении сокровенного на свет и заключается весь феномен Брейя. То, что она сама говорит о своих «откровенных» картинах — что они действуют как скальпель, вскрывающий общественные гнойники, бесстрашно проникают туда, куда страшится проникнуть человеческое знание, освобождают человека от оков, наложенных на него религиями и лицемерным обществом, и они настолько глубоки, что не поддаются пониманию ни с первого, ни со сто первого раза — не более чем самореклама, столь же принципиально бесстыдная, как ее «художественная» порнография. Но для Брейя интеллектуальное (не путать с вербальным) бесстыдство — такая же норма,

как визуальное. Да и что об этом говорить, если само наличие стыда, рассматриваемого как едва ли не первое собственно человеческое чувство, объявляется ею «шизофренией» и «отрицанием гуманистических представлений»?

Сокровенное не обязательно есть неизвестное, гораздо чаще это всего лишь то, что каждый из нас хорошо знает и обсуждает в интимном кругу, но не предает публичной огласке, осмотру и обсуждению. Ну не принято в цивилизованном мире прилюдно демонстрировать свои половые органы, хотя на каком-нибудь тропическом острове в формах такой демонстрации может выражаться вся общественная иерархия. Но это отнюдь не значит, что мы их не знаем — все или почти все хоть раз в жизни да рассматривали свои или чужие гениталии, а уж начитались про их устройство или функционирование или насмотрелись в учебно-порнографических лентах выше крыши. Однако чтение книги или просмотр порновидеокассеты — акт довольно интимный, каковым не является публичный просмотр порнофильма, пусть даже замаскированного

под «научность» или «художественность».

Феномен такого кино основан на размывании границы между экраном и залом: герой фильма, как Маяковский, извлекает из широких штанин свой бесценный груз, краснорожую и краснокожую паспортину, и все чувствуют — в ослабленном и, так сказать, «вакцинированном» виде — то же, что почувствовали бы, если бы это проделал кто-то из зрителей или если бы сама Катрин Брейя задрала юбку и спустила трусы на своей пресс-конференции. Пресс-конференции «скандальной» кинематографистки, кстати, проходят на удивление пресно — в фильме крупным планом сиськи-письки, сексуальные и менструальные выделения, рассуждения о фекальных массах и различии между «ж» и «п» с точки зрения «х», то бишь ануса и вагины с фаллической позиции, а после фильма — тишь да гладь, когда не то что «ж», «п» и «х» и их латино-греческие субтитуты (заместители), но даже эвфемизмы не в ходу, а речь идет об исключительно возвышенном: об устройстве Мироздания, о Мужском и Женском, о Цивилизации и Природе, об Инициационных и Религиоз-

На фестивале «Лики любви» состоялась премьера нового фильма Катрин Брейя «Порнократия» («Анатомия ада»), поставленного ею по собственному роману с Амирой Касар и Рокко Сиффреди в главных ролях

ных Табу — и все с большой буквы и в исключительно банальных выражениях. В связи с чем кто-то остроумно заметил (в кулуарах), что все мироздание Катрин Брейя сосредоточено в вещи, обозначаемой популярным пятибуквенным словом с теми же тремя выделенными буквами в конце. И действительно, трудно отрицать, что все человеческое вышло из нее, как русская литература — из гоголевской «Шинели», а русская казарма — из шинели николаевской. Удивительно другое — что весь этот бред сивой кобылы производится во Франции, где сексуальный дискурс — от де Сада до Фуко — развит и утончен, как нигде, а тело является предметом многочисленных философских рефлексий.

Банальность царит и в фильме, который начинается

на задворках гей-клуба со сцены гомосексуальной фелляции (=минета). Затем, медленно пройдя меж геями, без спутников, одна, героиня, дыша духами, туманами и жеребьими испарениями, поднимается в мужской туалет и режет себе вены, но в этот момент на пороге сортира вырастает Он — порнозвезда Рокко Сиффреди, весь являющийся субтитутом своего знаменитого инструмента и с тем же выражением на лице. Она опускается на колени, достает из широких штанин и т.д., вплоть до порнографического сертификата подлинности — капель спермы на губах г-жи Касар. Впрочем, ни о какой подлинности в самом фальсифицирующем реальность искусстве кино не может быть и речи, поскольку упомянутые экранные капли не подвер-

жены ни химическому, ни генетическому анализу и могли быть просто каплями крахмального киселя или молочками осетра. Характерно, что уверяют, будто то влагалище, которое время от времени заполняло экран «Анатомии ада», принадлежало некой безвестной и безликой порноисполнительнице, а не известной модели. Иными словами, Амира Касар проявила тот самый стыд, который отвергает Катрин Брейя, а эта поборница женских прав использовала товарку по полу, вернее, ее часть, в качестве простого экспоната или куска женского мяса, даже не обозначив в титрах, кому это мясо принадлежит.

Произведя акт фелляции, героиня переходит к акту эксгибиционизма и предлагает своему партнеру за немалые деньги поллюбоваться ее сокровенными местами в течение четырех ночей, не притрагиваясь к ее телу. Условие, однако, не выдерживается и одного часа первой ночи, и парочка со звериной серьезностью переходит к тому, что обычно называется эротическими играми. После пальпации влагалища с символическим облизыванием влажных пальцев из штанов опять извлекается подлинный Рокко Сиффреди и следует рутинная сексуальная процедура. В последующие ночи она несколько разнообразится: заменителем пениса становится черенок тяпки, а под финал разыгрывается прямо-таки антирелигиозное, оно же религиозное таинство — из причинного места извлекается окровавленный тампон, погружается в стакан с водой, и эту сакральную мутно-красную жидкость герои распивают на двоих. Толкование этого «символического» эпизода и вычитывание всех прочих вбиваемых в картину смыслов предлагается читателям в качестве интимного упражнения на тему женской «чистоты» и «нечистоты», «мерзкой» плоти и «священной» крови и тому подобных оппозиций. Можно было бы сделать это прямо на газетной страничке, но есть опасение, что какой-нибудь религиозный ортодокс воспримет это как руководство к действию и устроит аутодафе с копией «Порнократии», чем безмерно обрадует г-жу Брейя, в честь которой в русском языке уже появился термин «брейятина».